

НОВОСЕЛЫЕ

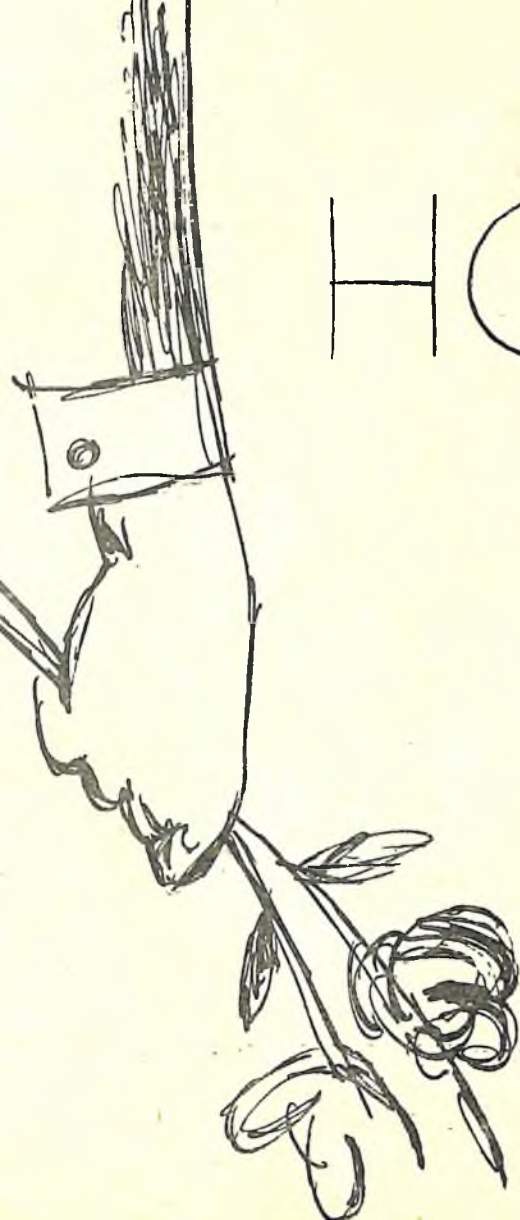
МАЙЯ
ВЕТРОВА

НОВОСИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1963

HOBO

СЕЛЬЕ

МАЙЯ ВЕТРОВА

P2
B39

Общественная редколлегия:
С. П. ЗАЛЫГИН, А. С. ИВАНОВ,
М. А. НАЗАРЕНКО

Старость страшна не морщинами, а потерями — внушала себе Александра Петровна, глядясь в зеркальце после встречи с бывшим мужем. Зачем было там на вокзале заводить разговор о ее молодости, о сохранившейся красоте? Убавишь этим, что ли, число потерь? Зеркальце пахнет паровозом и дальней дорогой. Или морщин убавишь?

Тонкие, малозаметные, но размашистые, они давно и бессрочно поселились на ее лице. Каждая, как человек, имела свой день рождения, как у людей, были среди морщин военные и гражданские.

Эта, например, над бровями, повторяющая их рисунок, — военная. Появилась вместе с похоронной об отце. Та, что вверх от переносицы, прямая, как порез, придающая Александре Петровне строгий, ученый вид — гражданская. Ее оставил сынок, погибший в трехмесячном возрасте от дифтерии (а других детей не народилось). Материна смерть двумя обиженными складками легла вокруг рта.

Остальные — продольные и поперечные, гражданские и военные были от мужа — Юрия Яковлевича Полукаева, с которым Александра Петровна порвала шесть лет назад, а сегодня приехала в его город брать развод.

Точнее, давать развод. Лично ей, ничьей женщине, формальность не сулила перемен.

У Юрия же Яковлевича через год после разрыва завязалась новая семья, а на днях родился второй ребенок, сын, и нужна сыну законная фамилия.

Приглашать разводиться в свой город, где тебя знают, где занимаешь высокий пост — прежний Полукаев вряд ли наскреб в себе столько рыцарства; тому не хватало силенок даже на малое: признаться друзьям, что брошен женой. Вместе с Ираидой придумывал небывлицы — выходило, что первый порывает он. Как это было важно для Полукаевых — кто первый порывает!

И вдруг — новое лицо Юрия вчера на ночном перроне, серьезное, резко подсвеченное электрическим фонарем, а потом подобрешее, когда увидел ее в окне поезда. Улыбка сместила в сторону, округлила тень на щеке. Как просто и дружески расцеловался с ней, словно знал, что было для нее самым трудным в этой поездке (момент встречи — вот что!)

— А букет опять цветами вниз! — сказала она неожиданно для себя, поддаваясь естественности и простоте, какую он создал с первой минуты.

Значит, права была Ираида Полукаева, когда сегодня утром, распивая чай в номере Александры Петровны, хвастала, как неиззнаваемо переменился брат за последние пять лет.

Слова Иранды боднули ее своим злорадством и вероятной правдой, особенно еще потому, что были сказаны сквозь кусочек сахара, зажаты в передних зубах. Александра Петровна ненавидела их семейную привычку держать сахар в передних зубах и цедить сквозь него слова и чай, обняжив зубы, словно для укуса. Пять лет — как раз тот срок, когда в жизни Юрия появилась новая жена.

Около двух пополудни в номере зазвонил телефон.

Вместе со словами через трубку просочилось горделивое смущение Полукаева, не совсем понятное Александре Петровне. Ах, да, показать заводское хозяйство... Раньше Полукаев неохотно шел на это. Он боялся сводить с людьми, которые его хорошо знали.

Через пять минут, одетая в строгий зеленый костюм, Александра Петровна вышла из гостиницы. Полукаев ожидал ее, облокотясь о кабину своего «Москвича». Курил и носком ботинка постукивал по кромке тротуара. Он смолоду имел привычку вот так картинно развалиться, ожидая свидания. Правда, не было «Москвича», в молодости для такой цели годилась простая уличная тумба. Сегодняшнему Полукаеву, главному инженеру аккумуляторного завода, и подпорка требовалась посolidнее, не меньше как в несколько тысяч ценю.

Она постеснялась додумывать до конца эту уничтожающую мысль, уж очень радостно Юрий Яковлевич рванулса ей навстречу.

Было странно видеть его в распашонке навывпуск, хотя глаз привык к одеянию современных мужчин. Зонтики, зонтики, ласты, якоря — распашонка усеяна ими как пляж. Пожалуй, к лицу. Но телом грузноват для такой моды, ниспадающих спортивных складок маловато — при быстром шаге ткань округло льнула к грудным мышцам.

— Давно ждешь?

— Нуль.

Этот «нуль» был из их юности, они улыгнулись полузабытому словечку, но долго оставаться в юности ни ему ни ей не хотелось. Полукаев сел за руль, Александра Петровна в глубину «Москвича».

Минуту ехали молча. Полукаев ни разу не оглянулся назад, ей виден был затылок и подвижная линия щеки, по которой она угадывала все оттенки его настроения. Когда-то могла провести ладонью по этой щеке. Чудно.

Следовало говорить о пустяках, на поверку же каждый пустяк оказывался хвостатым, за ним тянулись воспоминания, которых хотелось избежать.

Выскочило, конечно, самое неуместное.

— К нам отец приехал.

— Насовсем? — Пока спрашивала, в память без вызова проник старый Полукаев, сверкающий стальными зубами, переживший нескольких жен. От каждой новой жены Полукаев-старший ежегодно поставлял миру по младенцу, а чуть младенец научался передвигаться, пристраивал его в семью кого-нибудь из старших детей, уже отделившихся. «Детву, как зерно, достаточно проростить, дальше пойдет сама», — говаривал он. С Юрием и Ираидой повернулось иначе. Их мать дольше других жен задержалась на этом свете, не позволила распорядиться детьми как рассадой, пришлось вырастить их для себя.

К тому времени, когда юная Саша невесткой вошла в полукаевский дом, отец всем сердцем был привязан к Ираиде и Юрию, но те не могли простить недоданной когда-то любви, мало верили в отцовскую привязанность.

— Смекнул, что годы уходят и кому-то надо отдать старость на хранение, выбрал нас, последних, — объяснил Юрий жене это явление. — Жизни не знаешь, людей, — добавлял он покровительственно.

Она доказывала, что знает, именно знает она, а он слеп.

Начинался спор. Ах, как не хочется сейчас вспоминать давно прошедшие споры, ссоры, попытки что-то изменить друг в друге, весь этот супружеский хлам, под которым похоронена любовь.

Полукаев понял ее и предложил:

— Рассказывай ты, Саша. Что-нибудь на выбор. Какие мысли высидела в тиши библиотек?

— Я не в тиши. Я на голубом автобусе. — Ответила, кажется, резче, чем нужно для легкой беседы.

— На голубом? — удивился Полукаев. — Давно?

Голубой автобус — передвижная библиотека, где работает Александра Петровна, ее давнишняя, еще при Полукаеве, мечта. Когда-то муж отбил от мечты. Кочующая жена — это не отвечало полукаевским представлениям о семье.

— Осуществила-таки свою угрозу, — мрачно сказал Полукаев. — Извини, я так. Грустно, когда женины мечты сбываются после разрыва.

— Поехали с ветерком? — предложила Александра Петровна. Ей не хотелось излишней. Она чувствовала себя полностью раскрепощенной от этого человека. Вот, терзается, а ей ничего. Никогда больше не соединит их общее горе, общая радость. Родство осталось только в паспортах, но и с этим они вскоре покончат. Мирно, полюбовно покончат, не задевая сердец.

— А дочка у меня хорошая, — сказал Полукаев неожиданно и строго. — Похожа, кстати, на тебя. — Он порывисто вздохнул, словно хлебнул для храбрости. — Хочешь, приглашу тебя на новоселье? Обмыть нашу карусель.

— Приглашай. Когда новоселье?

— Сегодня.

— Может, в другой день?

— Почему в другой?

— Н-не знаю.

— В другой нельзя. Я пригласил гостей.

— Много?

— Человек двадцать.

— О-о!

— Меньше нельзя. На заводе нельзя меньше.

— И все знают?

— Многие. Худая молва...

— Я не пойду. Побываю в твоём цехе и вернусь. Я плохо одета, у меня нет подарка.

По-прежнему Александре Петровне были видны затылок и часть лица Юрия. Сейчас середина щеки вдалась внутрь, словно похудела, скула, наоборот, увеличилась в размере, а глаз выпустил целый пучок смеха.

— Соглашайся, соглашайся. Посмотришь ребятишек.

— А жену спрячешь или тоже покажешь?

С той минуты, как они встретились, Полукаев старательно избегал слово «жена». Теперь, когда она сама произнесла это слово, он с удовольствием прорвал словесную запруду, заговорил живо и длинно, все тем же улыбающимся голосом.

— Я, знаешь, влюблен в нее. Ревную. И тут же помогаю решать задачки по тригонометрии... Слева на фасаде — геологоразведка, а в глубине — строительство лесного техникума... В целом наш брак — супружество двух поколений, конфликт отцов и детей... Сейчас покажется гуминовый цех, тот самый, за который я произведен в главные инженеры... Ты, конечно, не удивляешься, что мы живем почти на территории завода?

Угловатый невысокий центр с гостиницей и магазинами остался позади, теперь ехали по прямой длинной улице. Далеко впереди улица упиралась в ящик с рассадой. От быстрого движения машины рассада принялась неудержимо расти и под конец вымахала в квадратную тополиную рощу, ящик же оказался деревянным забором с надписью на арке: «Добро пожаловать. Городской сад». Забор, как нечто первозданное в этом уголке природы, не пускал рощу разрастаться вширь, тем могучей она тянулась вверх и уж там, на просторе, давала волю своим ветвям. Они шумели, буянили и, нависнув над забором, захватывали чужие пространства.

Из открытых ворот главная аллея просматривалась

насквозь до пустой подсиненной эстрады. По аллее бежали дети в цветных пальтишках и катались младенческие коляски с нянькой либо с матерью в виде прицепа.

Полукаев внимательно вглядывался в эти коляски и, не найдя кого-то, круто взял вправо.

— Со мной,— сказал он вахтеру, и долго ласкали ее эти слова «со мной... со мной... со мной...».

* * *

Вроде двор был пуст. Несколько грузовиков, в ряд поставленных, а людей не видно. Люди взились после появления Полукаева. Инженеры, мастера. Двухметровый завхоз. Лаборантка. Откуда их нанесло в пустом дворе? Спрашивали... Звали смотреть что-то. Кукурузосажалку. Новые емкости из Харькова... Совсем оттеснили Александру Петровну, да она не замечала. Можно не удивляться, если вон инженерша в фестивальной косынке тайно влюблена в своего главного. Та, что тянет смотреть емкости. Ишь, косынку подвязала. Лихо. По касательной. Только и сходится косынка с головой — на макушке в одной единственной точке, да у подбородка, задний же угол неггибаемо торчит над стриженным затылком инженерши. Того и гляди уколет двухметрового завхоза.

Александр Петровне казалось, Полукаев совсем забыл про нее, но Полукаев помнил. Он молча посмотрел на ее туфли. Точно так пятнадцать лет назад он смотрел на ее туфли и грозно выговаривал: «Повторяю, тебе нельзя к нам на производство, кожа и шелк горят от кислот».

Сегодня черные кожаные лодочки и капроновые чулки Александры Петровны не угасили гостеприимного огонька в глазах Полукаева — надо думать, кислоты за пятнадцать лет изменили свой характер.

— Лидия Борисовна,— попросил он фестивальную

косынку,— покажите Александре Петровне гуминовое производство. Я — взглянуть на харьковские емкости.— Он улыбнулся Александре Петровне, ей одной, как бы извиняясь: «Мне хорошо с тобой, но — дела».

Фестивальная косынка отделилась от других головных уборов и тупым концом усталилась в Александру Петровну:

— Пойдемте.

Цех как цех. Трубы и цистерны. Все здесь отвечает представлениям неза заводского человека о заводском цехе. Кроме, пожалуй, производственного шума. Производственный шум — нежнейшее журчание. Можно закрыть глаза и представить себя у фонтана. И петь стихи: «Ах, лейся, лейся, ключ отрядный, журчи, журчи свою мне бль».

— Измельченный торф поступает...

Девушка-инженер начала свои объяснения. У девушки юное нежное лицо и грубая куртка из шинельного сукна. Больше всего с этой жесткой оболочкой гармонируют брови девушки, жесткие же, неподвижно опрокинутые над глазами. Зато губы, что за трогательные губы. Им бы соседство пионерского галстука, школьного фартука...

— Гуминовая кислота не жидкость, как можно было бы предполагать, а порошок. Сухой коричневый, вот посмотрите — порошок, который в аккумуляторе заменяет устаревшие хлопковые очесы.

Девушка нежно проводила по изгибам труб, словно по шее лебедей, гладила ладонью пузатые баки, перепрыгивала через лужи на кафельном полу.

Объясняла она толково, старательно и вроде беспристрастно, однако за каждым словом чувствовался ее второй ум, вовсе не безразличный, а хваткий. Если прислушаться к этому второму (неслужебному) уму... Что-то он требовал от Александры Петровны, что-то свое на-

вязывал. Должно быть, девушка принимала ее за другое лицо.

Похожая на игру, путаница забавляла Александру Петровну и тяготила, но больше забавляла, потому что девушка явно играла на интерес. Вот подвела Александру Петровну к квадратной яме — воронке в углу цеха. Поток черного кофе гладко сбегал из трубы в яму и там, завихряясь, проваливался в преисподнюю.

— Гуматы натрия. Полупродукт и отчасти отход производства. Ценнейшее удобрение, а мы его — в канализацию.

Девушка говорила о незнакомых Александре Петровне вещах, но последовательность рассказа была странно не нова. Откуда она? И откуда впечатление, словно ты, слушатель, в силах подсказать продолжение. Вот сейчас, например, можно ожидать, пойдут цифры. Инженерша заговорила цифрами.

Постой... постой... очерк! Как есть готовый очерк. Журналистка, товарищ из газеты — вот кто я в твоих глазах. А не такая ты юная, как выглядишь, тоже годки подбираются. Только сейчас Александра Петровна заметила, что шея девушки окольцована в два ряда тоненькими, словно нитки, бороздками. А когда улыбается, вместо ямок на щеках — две царापинки, очень старящие ее. Она это знала и была неулыбчива.

— Кукуруза. На полях она ростом с ребенка, а у нас на опытном участке выше завхоза. Вы видели завхоза? Метр девяносто сантиметров. Потому что три раза подкормили гуматами. Но колхозы не берут, даже самые отчаянные председатели жмутся, хотя отдаем почти задаром. Юрию Яковлевичу предстоит еще борьба. Такая борьба!

Охотничий азарт книгочая уже вел Александру Петровну по следу.

А очерк твой — портретный. Положительный. К тому

же шпаришь ты по самому скверному газетному шаблону: «добились», «подтянулись», «работали с огоньком».

Чутье давно подсказало Александре Петровне — инженерша любит Полукаева не женской, а просто человеческой любовью, и это восхитительно. Влюбиться по-женски в Полукаева немудрено. А чтобы так, по-человечески, этого не удавалось даже ей, жене, при всем старании.

— Пойдемте в садик, я расскажу, как Юрий Яковлевич торговал гуматами, умрете со смеху.

Так, так. По всем правилам газетного шаблона очерк полагается утеплить.

Казалось, она выскочила в скверик, чтобы посмеяться. Вдоволь поохотать над тем, как Юрий Яковлевич торговал гуматами. От смеха лицо ее сделалось старше, но об этом она сейчас не думала. «Валяй, утепляй свое произведение», — Александра Петровна тоже улыбнулась.

Оттого, что улыбка старила одну и молодила другую, они словно уравнились возрастом. Им было интересно друг с другом, как бывает двум школьницам, влюбленным в одного и того же старшеклассника. Стали естественны их нетерпеливые восклицания, взрывы смеха, панибратское прикосновение к рукам друг друга.

Было жаль вспугнуть эту невесть откуда налетевшую дружбу, а надо. Еще одна потеря по милости Полукаева.

Александра Петровна в последний раз тронула инженершу за руку и сказала, кто она.

Если бы девушка была из железа, то после слов «корреспондентки» какой-нибудь винтик в ней отказал и она перестала бы действовать. Но девушка была из крепчайшей человечины. Оправилась. Только в глазах навсегда установилась для Александры Петровны минусовая температура. Как и ожидала Александра Петровна, ее выстрадавшая откровенность не тронула девушку, все-таки девушка не так стара, чтобы дать купить себя от-

кровенностью. Мысленно она уже стояла спиной к Александре Петровне и уж просто так, из гордости, досказывала свой очерк. Конец очерка был все одно, что задаром, как подаяние.

— Еще я хотела сказать, как он принимал меня на работу,— продолжала девушка как бы из-за плеча, голосом, похожим на механическую запись.— Я принесла с собой все, что положено: диплом, характеристики — уйму бумаг. Он отодвинул бумаги в сторону и вдруг спросил, что я могу сказать о своих однокашниках. Я долго не понимала, зачем ему это — о незнакомых студентах. Спустя год поняла. Небезразлично ему, значит, как судить о людях. До свиданья.

Она уже не в переносном, а в прямом смысле стояла спиной к Александре Петровне, лишь голова полуобернута, как у птицы.

— Я скажу Юрию Яковлевичу, что оставила вас на садовой скамейке. Еще раз до свидания.

Александра Петровна поклонилась девушке, верней ее спине, крепким ногам в коричневых чулках и острою фестивальной косынки.

Косынка твердо держала курс на Полукаева.

* * *

Так переменить к себе людей! Что же стряслось? Ведь на ее памяти поступки Юрия, которых нельзя простить. И все с людьми, с такими вот завхозами, лаборантками, рабочими... Она, жена, лишенная капли педагогических способностей, не умела растолковать Юрию его поступков, она вообще не умела растолковывать подлость.

Взять к примеру случай с рапортом. Разве так нужно было вести себя, когда Юрий написал рапорт?

Именно в цехе у Юрия вечно получались глупости с

дисциплиной. Кто-то из работниц прослышал, что в кедровой посуде не скисает молоко. За один день украдкой были растащены по домам кедровые пластинки, так называемый аккумуляторный шпон, выданный строго по лимиту. Дома из пластинок мастерами туески для молока или просто выстлали стенки и донья молочных бидонов. Опыт не удался, молоко скисло, а начальник сборочного цеха получил выговор за развал дисциплины, хотя сам не взял ни щепки. Именно это: сам не взял и даже не видел, как брали другие, а наказан — обидело Юрия больше всего.

В тот же вечер, возвратясь домой, он засел за объяснительную записку, или, как он сам называл ее: рапорт.

Юрий не был силен по части составления деловых бумаг, почти целый вечер, молчаливый и злой, извел на писанину, после немного повеселел и дал Саше почитать «на предмет стилистики».

Суть рапорта сводилась к тому, что выговор получен незаслуженно, дисциплина отсутствует не по его, начальника цеха, вине, а потому что цех укомплектован неправильно, каждый рабочий в отдельности — либо сплошная лопухость, либо чуждый элемент. «К сему» прилагался длинный список рабочих, где против каждой фамилии была проставлена эта самая лопухость и чуждость.

Саша успела прочесть только две фамилии — «Новикова — пьяница и легкого поведения. Морозов — был в плену, личность, естественно, не вызывающая доверия».

Что-то горячее, горячей крови, кинулось в Сашино сердце. Руки заняли от потребности причинить боль, ущерб. Она мстительно сложила бумагу вдвое — разорвала. Потом наложила разорванное друг на друга — пополам, потом снова, снова, до тех пор, пока пальцы не почувствовали неодолимую плотность. Не зная, как еще надругаться над этой подлой бумагой и не в силах рвать

ее дальше, подошла к открытому окну и зашвырнула бумажный комок в трехэтажную глубину переулка. Бывший рапорт камнем полетел вниз, но где-то возле второго этажа не выдержал и рассыпался на части. Стая вертких бумажных кусочков не успела еще приземлиться, а Саша уже отскочила от окна, ужаленная мужниной оплеухой.

Перед ней маячило незнакомое, искаженное непониманием и гневом лицо Юрия. То, что было глазами, ртом, теперь представлялось огромными пустыми дырами, это дырявое лицо она видела впервые. Нижняя челюсть съезжала с места то вправо, то влево. Он вообще любил играть челюстью, особенно когда женщины любовались его лицом, и это было красиво, потому что в меру. Но сейчас челюсть играла от злости, и это было безобразно.

Саша стояла, прислонясь спиной к стене и чувствуя, как сотрясается стена от ударов ее сердца.

Она сказала себе: «все кончено». Ошиблась. Еще ни что не было кончено. На нее напала необычайная трезвость и лень. Если бы не лень, она, наверное, ушла бы сию минуту. А была лень, которая перешла в ожидание. Ожидание чего? Саша сама не знала. Но уж никак не думала, что проживет с ним еще три года, что разрыв произойдет вовсе по другой причине. Вернее без причины. Просто наступит время, когда невыносимыми станут не ссоры, а примирения.

И вот день... Последний их день.

Посреди комнаты на двух стульях лежит тюк, завернутый в серое солдатское одеяло и перевязанный ремнями — багаж Юрия. О нем не говорили, не двигали с места, обходили стороной. Саша старалась не смотреть на тюк.

Тюк означал, что все кончено. Тюк означал, что билет в кармане. Убрать его, развязать невозможно. Это был в зародыше новый дом Юрия. Дом без нее.

— Сдружились с Лидией Борисовной? — спросил Полукаев. внезапно нависнув над скамейкой. — Как она тебе, ничего?

Александра Петровна встала и первая двинулась из садика.

— Она мне — ничего, — сказала, стряхивая воспоминания.

— Зато ты обманула надежды. Знаю, знаю. — Он расмеялся.

Они шли по улице, щедро засаженной молодыми тополями. Тополя роняли на землю свои сережки, трепетали над головой едва распустившимися, еще не набравшими голоса мелкими листочками. Тень от листочков походила на рассыпанные по тротуару подрагивающие копейки.

Квартира Полукаева примыкала к заводу с тыльной стороны. Чтобы попасть туда, нужно пройти под тополями квартал, затем свернуть к параллельной улице и снова возвращаться назад.

— Этих ребят, «выпуска» тридцатого года, понять не просто, — сказал Полукаев серьезно.

Странно, Полукаев пытался кого-то понять.

— Лидушка эта — из орешков орешек. Потом агроном из сельхозинститута, мой помощник — пока что единственный — по испытанию гуматов. Энтузиаст и бессребренник. Но по характеру тоже — нечто! Ох и нечто, скажу я тебе. Недавно своего директора в частной беседе обозвал Гитлером.

— ...Ни к селу ни к городу обозвал за то, что директор подсобную территорию из опытной превратил в огород, кормушку для преподавателей. Да... — Полукаев глубоко вздохнул и ногой отшвырнул камешек на тротуаре.

— Скажи, как ты стал главным инженером? — спросила Александра Петровна, замедляя шаг.

Широко ступающий Полукаев словно споткнулся на месте, то ли от вопроса, то ли от неумения сразу попасть в ногу. Александра Петровна посмотрела ему в лицо. Лицо было несчастное. И очень пожилое. Многоопытно пролегли складки от уголков губ, запали глаза, только чуть поблескивали веки на срезе, напоминая о том, что человек недавно смеялся.

— Ладно, — сказал он. — Только позволь без психологии.

— Как хочешь.

— После того, как ты меня... — он сделал рукой «выдворяющий» жест, — я решил... — Полукаев затянул длиннейшую паузу, за которую, случись она в театре, актера наверняка бы наказали. Только в жизни, в тяжелом разговоре, простительна такая пауза. — Ладно, суть не в этом. Меня послали в Ленинград на совещание главных инженеров-аккумуляторщиков. Наш главный уехал в отпуск, меня командировали вместо него. Нет, не потому что я был равен ему по значению (Полукаев усмехнулся. Он начинал нащупывать нужный безболезненный тон). Скорей наоборот. Администрация решила, что без меня на заводе легче обойтись, чем без любого другого инженера. В моем цехе мастер был опытный, властный человек, цех с планом справлялся, меня даже критиковать не догадывались. Держали за курьера с высшим образованием.

Он обернулся к Александре Петровне.

— Помнишь, батя в молодости учил нас, что людей лучше всего брать напрокат. Как утюг или радиолу. Для вечной дружбы люди не годятся.

— Помню. Ты, кажется, разделял эти взгляды.

— И поделом мне. Но я хочу сказать, есть категория людей, к которым батина формула применима. К подле-

цам — применима. Я был подлецом, и люди брали меня напрокат, потому что для вечного пользования я не годился.

— Слишком сильно, — поморщилась Александра Петровна. Она не любила накрахмаленных слов.

— Терпи, — сказал он строго. И продолжал о совещании: — Сидят аккумуляторные боги. У каждого имя... У каждого опыт... Лысины блещут мудростью. А мне тогда — тридцать четыре. Мальчишка. К тому же худой. Ты не можешь себе представить, какой худой. Еще в помине не было второго подбородка, ни этой — он погладил себя по ковбойке — кормящей груди. Председатель держит речь о преимуществах аккумуляторов, заряженных гуминовой кислотой. Преимущества восторгающие, однако ни одна лысина не колыхнулась, сильных чувств не отразила. Каждая понимает, прояви инициативу — и твоему заводу навяжут строительство гуминового цеха. Обновка — избави господи. Никто, нигде, никогда не носил. Председательствующий чувствует настроение аудитории, сам не верит в успех дела с одного захода, а спрашивает однако для проформы: кто, товарищи, возьмет на себя трудное, благородное и так далее и далее...

— И тут-то...

— И тут-то выскочил я. Представляешь, в это притихшее мгновенье, когда боги и те задумались над чертовскими трудностями строительства — выскакивает мальчишка без подбородка и кричит: «Мы возьмемся!» Раздался гомерический хохот. Не думай, я правильно рассчитал возможности завода. Все равно просмеяли. Но самое страшное ожидало на заводе. Главный услышал новость, полез в бутылку и сбежал. Меня директор в наказание провернул исполняющим обязанности. Расхлебывай свою кашу! Наверно, я был первым под луной инженером, назначенным на высокий пост в наказание. Впрочем, директор умнейший мужик, верно разглядел

мое драчливое состояние и сколько взрывчатки во мне заложено. Ох! — Полукаев приложил стиснутый кулак ко лбу, подержал и рывком отнял руку от лица.— Самое трудное не расскажу. Не могу.

— Ладно. Эта река — судоходная? «Самое трудное было, конечно, с людьми», — подумала Александра Петровна, но больше ничего не сказала.

Ей вспомнился Юрий тех лет: молодой, похудевший и со «взрывчаткой». Такого ей дано было знать только по письмам, приходившим с сумасшедшей навязчивостью. Не успел отъехать за семафор — уже раскаивался, просил вернуться, обещал другие отношения и совсем другую, новую жизнь. Тут же, не перелистнув страницы, принимался угрожать: нет, женится на первой попавшейся, сопьется, натворит бед, за которые сажают в тюрьму. Увидит сама, до чего можно довести человека! Пусть уже скорей возвращается как настоящая жена, порядочная женщина.

Она вскрывала письма с надеждой, а дочитывала с отвращением. Дивилась мешанине, где рядом с высоким страданием — самодовольство угроз.

Потом он перестал писать. Притих. С полгода не было вестей. И вот, наконец, письмо без угроз и зова, строки из него запомнились на всю жизнь.

«Если бы мне сказали когда-то, что расстояние помогает лучше понять человека, я бы не поверил. Прости за все оскорбления, прости за глупые письма. Я в самом деле готов был пойти на разбой ради тебя и на подлость, но чувствую — тебе нужно другое. Начинаю нащупывать это «другое». Это таинственное «что-то», без которого не прожить, потому что оно есть у большинства, а мне бог отказал. Не странно ли додуматься до главного лишь после одиннадцати лет нашего совместного житья и — потеряв тебя навсегда?».

Почему «потеряв»? Почему «навсегда»? — радостно

всполошилась Александра Петровна. Она вовсе не так тяжела на подъем, как думает Юрий.

И опять короткой была радость. Ираида услужливо сообщила, что брат скоро женится. По холостяцкому делу случился грех с одной девушкой — надо грех покрыть.
— Мы пришли, Саша.

* * *

Квартира и впрямь напоминала карусель. В чертеже она выглядела бы так: большой квадрат, вмещающий в себя четыре малых. Малые — это комнаты. Проходя из двери в дверь, вы двигались по кругу и возвращались в начальный пункт.

Первое, что увидела Александра Петровна, войдя в прихожую, — рогатый и вдумчивый профиль Ираиды далеко впереди за стеклянной дверью. Рогатый от косынки, завязанной бантом на лбу, вдумчивый от кухонной плиты. Плиту Александра Петровна не видела, потому что дверь была застеклена наполовину. Из практики, однако, ей было известно, что творчески вопрошающее выражение лица появлялось у Ираиды только над варевом (в остальных случаях жизни золовка не знала сомнений).

Полукаев повел Александру Петровну не прямо, где была Ираида, а налево, в комнату, с которой начиналась карусель.

— Представляешь, какое удовольствие детям гоняться друг за другом.

Пахло новизной и подсыхающей масляной краской. Так пахнет школа после каникул. Каждая комната окрашена присущим ей одной свежим и вкусным колером: абрикосовым, апельсинным, кофейным.

Вот во что развернулся серый тюк!

Было в квартире по-хорошему, по-современному пусто. Видно, содержимое прежней небольшой комнаты

Полукаевы едва растянули на четыре. Ковер, единственный, постелили на полу в детской. Над кроватью дочки кнопками пришили географическую карту — новенькую, только что купленную. Что-то разумное и уютное было в этой карте, повешенной взамен дорогого и аляповатого детского коврика.

Радостная пустота, при которой все — впереди.

— У твоей жены хороший вкус.

— Ты находишь? — спросил Полукаев, счастливо краснея от ее похвал. — И потом — денег не хватило.

— Никакого напоминания о деньгах — это и есть хороший вкус.

Только Ираидина комната была укомплектована полностью, вплоть до занавесок. Даже сейчас, при открытых настежь окнах, они были задернуты и колыхались, чуть приоткрывая кусочек городского немаркого неба.

Потом вошли в спальню. Что спальня, она поняла по лицу Полукаева, а вовсе не по тахте, накрытой на двоих. Полукаев, пространно объяснявший назначение каждой комнаты, осекся.

Именно здесь, в своей спальне, он вспомнил, что Александра Петровна живет в общежитии, с чужими людьми, что комнату она получит едва ли, потому что уступчива, а на очереди всегда семейные и с каждым днем их будет больше, ведь семьи размножаются делением.

— Квартира, собственно построена не для меня. Для главного, как такового, сама видишь... — он очертил круг и ненароком попала в этот круг его пепельница, полная ночных окурков, рядом — стул с перекинутым через спинку нарядным женским платьицем, приготовленным для новоселья. — Когда меня снимут, въедет другой. — Полукаев извинялся перед ней за свое благополучие, предсказывал себе близкий крах только для того, чтобы успокоить ее. А она видела пепельницу, его пепельницу рядом

с чужим женским платьем, и это было похоже на сон, жестокий, бессмысленный. Сон — без надежды на пробуждение.

«Мне все равно. Мне бесконечно все равно, — твердила она мысленно, чтобы не выдать себя. — Они счастливы, ну и пусть. Надо купить им что-нибудь вызывающее, например, торшер для спальни. Пусть им будет уютно целоваться, пусть знают, что мне все равно». Мысли Александры Петровны словно заблудились на время. Вместо того, чтобы пойти к следующей двери, она выбрала путь, каким ушла бы из этих стен птица, прямо перед собой, где было небо, черненное балконной решеткой.

Река с балкона казалась шире и значительней. Открылся глазам ее левый берег, зеленый, только что скативший с себя полую воду и сочный даже на вид.

Прохладный ветер сдул румянец со щек Александры Петровны, подхолодил кожу на шее и открытые запястья рук. Она немного успокоилась.

— Холодно? Подожди, принесу что-нибудь накинуть.

— Что он принесет? Чего доброго, «ее» пальто...

Нет, он принес свой пиджак, сам надел ей на плечи. И странно, она почувствовала себя снова обласканной и счастливой. Давно забытые родные запахи табака и «Шипра» запросились с бортов пиджака к ее лицу, она вздохнула и очутилась сердцем в счастливой поре юности, когда Юрий, влюбленный, свободный, провожая домой после кино, укрывал ее своим пиджаком.

Похоже, Юрий мыслями тоже был в одном из безмянных дней юности. Сердца их аукнулись в забытом далеке и оба пожалели, что встретились.

Снова налетел ветерок. Поверхность воды подернулась рябью, словно по реке пронеслась легкая мелодия. В вышине, подчиняясь своим законам, мешкало бестрепетное облако. Оно не было похоже на какой-нибудь предмет, только на облако. Но посередине у облака был

глаз. Голубой, настоящий человеческий, с белой мохнатой бровью.

— Саша,— спросил Полукаев, жалея ее глазами,— не слишком много я от тебя требую? Вот — с новосельем?

Она сама понимала, что много, что отсидеть на его новоселье — это слишком. Но было поздно передумывать, и она отрицательно покачала головой.

— А помнишь ту реку?

Еще бы не помнила она ту реку? Ту, что всегда шире и голубей всех знакомых рек, потому что несет в своих водах частицу молодости.

...Цветы на спине и плечах ситцевого платья выгорели, осталось их чуть-чуть возле шеи на воротнике да под грудью. Они прятались там от солнца, как потаенные ландыши. Они пахли травой и немного потом. Юрий целовал эти сохранившиеся цветы и выбирал дорогу подлинней — все рощей. Река? Она не входила в их планы. Но река открылась глазам как сон, как подарок и сразу потянула к себе. Не сговариваясь, они ускорили шаг, а потом побежали. Никто из молодых не спускается к реке спокойно, все бегут, так было тысячи лет до них и будет тысячу лет спустя, но им казалось — они первые так здорово придумали, так проникновенно поняли друг друга, два студента, попросившиеся на уборочную в один колхоз, два молодых супруга, у которых впереди — жизнь.

Александра Петровна взглянула на облако, не похожее ни на что, кроме облака, на реку, узкую и мутную по сравнению с той голубой, потом, словно мимоходом, на Полукаева.

Юрий необузданно ласкал глазами ее лицо и шею, где когда-то залегали невыгоревшие на солнце цветы...

— Я не могу дать тебе полного счастья, а то...

Он показал ей свои загорелые сильные руки.

— А то перетащил бы тебя обеими руками.— Он взял

ее ладони в свои, больно стиснул их.— Переташил бы всю тебя вместе с голубым автобусом: живи здесь. Не смей исчезать.

Странно, он говорил «бы», а в то же время словно приказывал жить здесь, не исчезать.

Где-то за двумя дверями прозвенел телефон.

— Алл-лю-ю-ю! — пропела в трубку Ираида.— Сейчас позову.

— Это меня. Потом договорим.— Он стиснул ее руки в последний раз, он столько надежды вложил в пожатие!

У кухонной плиты, присыпанная мукой и капельками пота, Ираида готовила новоселье. На широких подоконниках уже ждали своей участи рулеты, салаты, четвертованный гусь. Из кипящего масла на плите Ираида с электронной точностью доставала пончики и бросала их на пустое блюдо посреди стола.

Ираида готовила новоселье. Она готовила со знанием дела. Культ гостя в этом доме умели блюсти.

— Тебе помочь? — вдруг почувствовав себя своей в этих незнакомых стенах, сказала Александра Петровна.

— Как можно? — ответила Ираида любезно, что, вероятно, означало «не забывайся». — Вон кому помоги, — кивнула она, шевеля сатиновыми рожками.

Только сейчас Александра Петровна заметила, куда уходят пончики. Они уходили в пожилого мужчину с бородой и усами, в такой же ковбойке, как у Юрия. Столь длинных усов она никогда не видела в доме Полукаевых. Но эти глаза, безуглые полукаевские глаза...

— Здравствуйте, папа, — сказала она, дивясь волосяному маскараду, едва ли случайному.

Старший Полукаев встал, улыбнулся и протянул руку. Можно было ожидать, что за густой зарослью откроется тоже запустение, но там оказались по-прежнему отлично подогнанные стальные зубы и здоровый розовый язык.

Пока старик вытирал руки о салфетку, пока вставал и здоровался, несколько пончиков задержалось на блюде.

— Здравствуй, доченька,— ответил он добродушно, а легкая насмешка уже легла погреться в его бороде.— Замуж не вышла?

Это была инсценировка. Полукаев-старший знал все о ее жизни, если не сам разведал, Ираида рассказала.

— Холостяки остались только в постановках? В жизни все разобраны? — ответил на свой же вопрос со стариковским добродушным сочувствием.

Чтобы отмахнуться от бросовых разговоров, Александра Петровна взяла с блюда пончик и принялась жевать. Гораздо интересней было слушать, что говорит по телефону Юрий — она откровенно уставилась в сторону темной прихожей, видной через застекленную дверь кухни. Там, у телефонного столика с трубкой в руке, усовещевал кого-то Юрий. «Кто-то» был упрям и раздражителен.

— Он вас оскорбил — и наказывайте за оскорбление личности. За «Гитлера» и наказывайте. Зачем искать другие мотивы? При чем здесь инвентарь, который мокнет под дождем? Он и в прошлом году мок. Люди не слепые, товарищ Пятихатный. Зачем, слушайте, мы, руководители, будем скрывать свое самолюбие за каким-то мокнувшим инвентарем? Что за манера. Обидеться на одно, трахнуть за другое.— Юрий сердито резанул ногтем по телефонному столику.— Директор — не личность? Что?.. Зато честно. И парню на всю жизнь урок, не оскорбляй человеческую личность. А сейчас? Скептицизмом вы парня зарядили по самую макушку. Подумайте,— голос Юрия зазвучал почти заискивающе,— какой занозой сидит в этих ребятах война!

На противоположном конце провода что-то говорили. Юрий, кусая губы, молча возмущался, еле успевал перекрыть одно возмущение другим, еще более сильным.

— Откуда похоже, что я его выгораживаю? Я говорю: наказывайте. Больше того, снимите с работы, но подавайте истинные мотивы. А так — я не согласен. И буду бороться. Буду, товарищ Пятихатный, — пообещал Юрий грозно. — Он бросил трубку и не садясь принялся записывать что-то в блокнот, распластаный на телефонном столике. — Доколе же мы будем плодить скептиков? Сами скептики и детей туда же? На каком же, черт возьми, поколении собираемся остановиться?

Александра Петровна слушала, не замечая ничего вокруг. Только Юрий, страдающий и справедливый. Долгожданный Юрий, каким она мечтала видеть его всю жизнь. Тот, единственный, которого девушкой угадывала за каждым стихотворением о любви.

Кто бы ни сделал его таким — она благодарна.

В глубине темных сеней вдруг просветлело: кто-то открывал дверь. На вышине, где должна находиться голова вошедшего — ничего. Ниже, много ниже было все это. Маленький человечек в трусиках, пытающийся с одного раза захлопнуть большую, «взрослую» дверь. С одного не получилось, получилось с трех. В прихожей снова сделалось темно, однако белое пятнышко осталось. Оно надвигалось на Александру Петровну. Нет, сначала остановилось возле Полукаева и тут снова сделалось человечком, девочкой. Девочка прислонилась к отцовской ноге, слегка потерлась о нее, как умеют только собаки и дети.

Рука Полукаева ласково легла на стриженую бело-брысую голову.

— Ларочка! — позвала Ираида. — Поди надень платье. Неприлично голой при гостях.

Полукаев глянул на Ираиду как из проруби, бросил карандаш и вместе с дочкой вошел в кухню.

— Знакомьтесь.

Перед ней стояло береженое дитя с красивым личиком.

На личике полукаевский подбородок и чьи-то крупные серые глаза.

— Лариса Полукаева.— Девочка равнодушно протянула руку, не подозревая, какой ценой ей досталась фамилия.

— Папа, почему в трусах неприлично?

— Пусть тетя Ида объяснит,— он выразительно взглянул на Ираиду,— почему неприлично девочке в пять лет...

— После елки будет шесть,— перебила Ларочка. Она повернулась к Александре Петровне.— К тому время волосы отрастут, будут как у мамы «под мальчика». Если, конечно, опять не заболею.

— С ума сошла, болеть! — Полукаев суеверно прижал к себе девочку, не давая ей говорить.— Мы тут прихворнули скарлатиной, нас обкарнали в больнице,— объяснил он Александре Петровне, наивно призывая гостью сделать скидку на стриженные волосы.

Опять трехкратным усилием была открыта и закрыта наружная дверь, опять светлое пятнышко проследовало вдоль прихожей, и еще один маленький человечек, по всему виду — друг дома,— остановился у входа в кухню. На человечке кроме трусов надета кофта с пуговицами, однако он мальчик.

— Ларка, по телевизору старое кино. Чего обманываешь? — спросил друг дома, глядя не на Ларису, а на пончики.

— Я обманываю? А программу крутил — правильную? — возмутилась Ларка и вдруг сказала фразу, заставившую Александру Петровну оцепенеть: — У меня,— сказала Ларка,— не такая хорошая память, чтобы обманывать.

Друг дома округлил глаза, потрясенный образованностью подруги. Разгипнотизировать его смог только пончик, протянутый Ираидой. Но кто разгипнотизирует Александру Петровну? Ее же фраз! Тому больше

десяток лет, а разбуди сейчас среди ночи, она перескажет все до единого разговоры, в которых участвовала эта ее фраза...

— Не пойму тебя, Саша. Неглупая вроде, а вся секретами наружу. В жизни надо похитрей,— поучала Ираида, школьная подруга.— Пригласят тебя в чужую компанию, переименуйся и вытворишь что хочешь.

— Я собьюсь, Ида, у меня слишком плохая память, чтобы обманывать, я проговорюсь нечаянно.

Это ее фраза, больше того, ее принцип, и теперь он попал к Ларке. Как? Не через Ираиду же?

На Александру Петровну напала безумная веселость. С этой минуты Ларка начала ей бешено нравиться. Она была готова расцеловать Ларкину стриженую голову, расцеловать Ларкины голые лопатки. «Не от природы дочь твоя похожа на меня, ты ее сделал похожей на меня. Ты! Вот они — зерна, добытые из моей жизни!»

— Ларочка, мама скоро придут? — спросил старый Полукаев.

— Мама сказала, без нее накрывайте, она задержится. Витька не хочет усыпляться.

Старый Полукаев поверх ковбойки надел пиджак, «наизусть» причесал карманной расческой усы и бороду.

— Пойду помогу Римме.

— Дедушка, и мы с тобой.

Дети взялись за руки и, слегка отставая один от другого, как гусята за вожаком, за старым Полукаевым вышли из квартиры.

— Саша, ты рвалась помочь,— сказала Ираида, каким-то поджатым голосом.— Поди, расставь в гостиной тарелки. Там же скатерть увидишь сложенную.

...На кухне бушевало два голоса.

— Ты можешь объяснить ей, почему неприлично? Пятилетнему ребенку — можешь? Тогда почему же...

Ираиду всерьез отстраняли от воспитания Ларки.

Ираида оправдывалась. Когда-то в ссорах с сестрой Юрий занимал оборонительную позицию. С годами, вidać, фамильная корона изрядно потерлась. Вот и старый Полукаев ушел молча — подчеркнуто соблюдает нейтралитет.

Бесстрашная, бесшабашная радость напала на Александру Петровну.

Вот странно, она расставляет тарелки в чужом, незнакомом доме, а чувствует себя хозяйкой.

Остаться в этом городе! Она имеет право. «Я не могу дать тебе полного счастья», — сказал он. Ну и что? У многих ли есть полное счастье? Это в молодости требуешь полного счастья. Наступает пора, когда радуешься просто зеленеющей траве, просто лесной тропинке, не спрашивая даже, куда она ведет. Остаться, остаться... Видеться с ним хоть изредка. Ни одна душа не будет знать, они позаботятся об этом: комнатка на окраине, загородные прогулки в безлуние. Редкие, как подарок, как праздник, посещения Юрия. Осудят? Она для Юрия не случайная женщина. Его первая любовь. Многие люди живут так. Что поделаешь, если судьба рванула в другую сторону? Она знала, при такой жизни ее будет бросать из настроения в настроение ежеминутно, как сегодня. Но это лучше, это счастье. Это почти счастье.

И гостей она принимала как хозяйка. Будто сама созвала их на праздник. Юрий представлял ей нарядных мужчин и женщин, а она смотрела на Юрия, слышала его слова в этом веселом разноголосье. Гости ей нравились все до единого, но особенно те, с кем Юрий был на «ты», его близкие друзья. С первой минуты она приникла к ним сердцем, к этим избранным друзьям.

— Знакомься, доктор Бубякин. Немножко герой, немножко честолюбец, немножко циник, — представлял Юрий человека в белом чесучевом костюме с гладкой головой.

Александра Петровна жала руку Бубякину и удивлялась, почему не все доктора ходят в белых чесучевых костюмах и не бреют донага свои головы (это же ужасно мило!). И почему не все так находчивы, чтобы смастерить вот какой остроумный ответ:

— Все врачи немного честолюбцы, немного циники, немного герои. В чем я истинно индивидуален: полукаевскими гуматами поливаю больничные цветы.

«Какой милый! И жена отличная. Похожа на Кармен. Софья Михайловна? Софа... Софочка... Надо запомнить».

Потом Юрий подвел двух агрономов, старого и молодого. Видно, оба только что из-под солнца. Лица загорелые: на вчерашнем, уже остывшем загаре лежит сегодняшней, с красноватым отблеском, должно быть, горячий на ощупь. Так и подмывало потрогать эти приятные, разогретые щеки.

Старик шепнул Полукаеву несколько слов. Тот обрадовался, достал из кармана карандаш, поискал что-то глазами и, не найдя, написал на светлом боку книжной полки: «лук репчатый — 30%».

Потом ее познакомили с директором завода, театральным режиссером и его женой, с главным механиком, соседями по дому — рабочими литейного цеха. А вот и фестивальная косынка. Милая фестивальная косынка. Удивлена, не ожидала встретиться, какие большие сделала глаза. В каждом глазу — по задаче. Все-таки она молода, слишком молода, где ей понять: могут двое разойтись и остаться добрыми друзьями.

Александра Петровна улыбнулась фестивальной косынке, но девушка не ответила на улыбку, пошла дальше, задевая гостей своей негнущейся растопыренной юбкой.

За спиной Ираида вполголоса давала желающим интервью. «Это? Старая жена брата». Она ни разу не сбилась. Не «бывшая», не «прежняя» — старая. «В гостини-

це». «Никто не приглашал — сама пришла». «Как раз она была неинтересная, но довольно эффектная».

Бедная Ираида, где ей понять, за что любят! Бедная, горемычная Ираида. Она никогда не могла попасть в тон. В молодости проморгала любимого из-за чересчур мудреных взглядов на любовь. Да, да, у нее были взгляды. Мефистофель, что ли, напел их Ираиде? Но его заповедь «мой совет, до обрученья...» она выполняла слишком буквально. Парню, с которым дружила полгода, не разрешила поцеловать себя, оттолкнула, и он обиделся. В следующий раз, уже с другим, наученная горьким опытом, не воспротивилась поцелуям — это оказалось преждевременным, как на грех — второй жених держал руку Мефистофеля.

Она никогда не умела быть искренней, бедняжка. Она не знала порывов. Женихи чувствовали это, и каждый на свой лад капризничал. В результате — вышла за немилое, да и того убили в войну.

На секунду Александре Петровне сделалось остро жаль кого-то. Не то Ираиду, не то себя, а может, тех суженых, что созданы были про нас, а остались на войне.

Вошел старый Полукаев. Ираида пододвинулась к нему, не изменяя гостеприимных лиц, они стали о чем-то тихо говорить. Оба ни разу не взглянули на Александру Петровну.

«Так-так, почувствовали опасность, засуетились. Подслушали разговор на балконе? Или по глазам догадались? Боятся, не дам развода. Не бойтесь, бедняги, дам. Остальное — не ваше дело».

Среди стройного ряда бутылок на столе одна наполовину отпита. Смеясь и остроумничая, гости искали виновника, подшучивали над Ираидой. Ираида делала кокетливое лицо, игриво краснела (сроду ее плотные щеки не пропускали никакого румянца, кроме игривого). Режис-

сер ходил вокруг стульев, всем заглядывал в глаза и просил дохнуть. Никто не знал правды. Правду знали двое. За пять минут до прихода гостей двое выпили за свою любовь. Он так и сказал: «за нашу любовь». О, совсем не такой был поцелуй, как на вокзале. Она взглянула украдкой на Юрия. Юрий разговаривал с Софой о пенициллине, но с такими глазами не разговаривают о пенициллине. Как красиво иметь тайну, которую не знает никто.

Она повернулась к дверям — познакомиться со следующей гостьей. Гостья чем-то показалась странной. Вошла в будничном пыльнике, а войдя, первым делом протянула руку к выключателю. Сухой белизной заиграли тарелки на столе, ярче залоснились бока селедочек. Винные бутылки отбросили на скатерть по рубиновой стрелке.

— Вот чего нам не доставало! — воскликнул режиссер. — Света и хозяйки.

«Она, Римма».

Сколько раз Александра Петровна представляла себе первую встречу с женой Полукаева. Были отрепетированы все возможные варианты. Как умно она держалась при этом. Их представляют друг другу. Александра Петровна дружески, с чувством собственного достоинства, протягивает руку. Она не особенно широко улыбается. Так. В меру. Зачем фальшивить? И с возрастом своим ничего делать не будет. Она оставит его при себе. Как ни подурмянивайся, моложе самой молодости не станешь. Если Римма возьмет молодостью, она возьмет мудростью, покровительственным тоном.

Одного не учла Александра Петровна, репетируя встречу: покровительственный тон легче дается счастливой стороне.

— Здравствуйте, Александра Петровна, я узнала вас по фотокарточке, — девически звонким голосом сказала Римма. — Вот молодец, что пришли. — Она взяла Алек-

сандру Петровну за обе руки, с чувством тряхнула их. «Слишком светлые глаза, слишком видны зрачки», — пробовала Александра Петровна отбиться от Римминого обаяния. — Извините, что задержалась, Виктор два часа хулиганил, не давал себя убаюкать. Рассаживайтесь, рассаживайтесь, — командовала Римма, обращаясь к гостям. — Я сейчас, Юра, приглашай же, я сейчас. Ее ноги были за порогом, а туловищем перегнулась в столовую, как девочка в балетном классе. Потом исчезла.

Александра Петровна растеряла всю мудрость. Она не знала, как повернуться к гостям, и вдруг почувствовала под рукой чесучевую опору.

— Разрешите быть вашим кавалером?

Бубякин повел ее в дальний конец комнаты, где длинный стол надставлен еще одним, маленьким, овальным, взятым от соседней. Круг от лампочки, заколпаченной абажуром, до этого места не доставал.

— Спасибо, доктор. Переждем новоселье здесь, — сказала Александра Петровна, облегченно вздыхая, почти уверенная, что ничего плохого не случится. Гости были заняты своими разговорами, похоже, никто и не думал жечь ей спину любопытными взглядами. Главный механик, близоруко пригнувшись к проигрывателю, бороздил иглой по краю пластинки, сослепу то и дело колол мимо мелодии. Пластинка шипела. Инженерша Лидия Борисовна, стоя рядом, терпеливо пританцовывала под это шипение, а сама нет-нет, да взглянет на дверь — ждет кого-то. На голове инженерши из волос сделано модное переكاتи-поле. Оно мягко колышется в такт движениям, и неустойчивость прически чем-то связана с неустойчивостью тонких длинных каблучков. Она кого-то ждет, это ясно, а тот, кого она ждет, либо не приглашен, либо запаздывает. А может, не любит.

Полукаев и Софа — на противоположном конце стола разговаривают о чем-то смешном.

— Софа, не увлекайся,— кричит ей через стол доктор,— и осторожней, не позволяй ему подлить тебе в тарелку гуматов, я не хочу, чтобы моя жена перезрела раньше срока.

Софа умненько кивнула мужу, а Полукаев сделал ручкой. Прибежала Ларка в голубом платье-раздувашке и с разбегу вбухалась в отцовские колени. Полукаев дал ей в руку апельсин, пригнулся к уху, что-то шепнул.

Ларка бельчонком скакнула с его колен и в том же разгоне обежала стол. Обдав Александру Петровну веселой детской одышкой, положила апельсин на тарелку.

Когда Александра Петровна подняла голову — глазами поблагодарить Юрия, девочка уже сидела у него на коленях и улыбалась ей оттуда такой же, как у отца. преизбыточно лукавой улыбкой.

— Хотите верьте, хотите нет, я люблю ее,— сказала Александра Петровна Бубякину.— Их не люблю, Ларку — люблю.

Александра Петровна была уверена, что Бубякин поймет ее. Ей повезло на кавалера. С таким встретишься впервые и словно продолжаешь когда-то начатый разговор — что значит — родственный склад ума!

Бубякин взял с тарелки апельсин, чтобы очистить его.

— За что вы их не любите, понятно,— сказал он,— но я не улавливаю, за что они не любят вас.— Он надрезал макушку плода и стал винтообразно снимать с него шкуру.— Это должно быть нечто конкретное.— Он проводил глазами Ираиду, проносающую на вытянутых руках блюдо с гусем.— Нечто весьма конкретное.

— Да, очень,— ответила она смеясь.— Как этот гусь.

Главный механик, наконец, попал в точку, из-под иголки выпорхнула и пошла летать по комнате забубенная песенка о Мари.

— Тыфу черт, а я думал, «Дунайские волны»! — растерянно отшатнулся механик.

«Очень мило проведем время и ничего не случится». Вот и Римма вошла, теперь можно разглядеть ее всю. Красивая. Какая-то она утренняя, хотя уже вечер. Светлые волосы только что смочены водой — еще не успели распасться бороздчатые линии, проложенные расческой. Верно, ей шли длинные волосы и серьги, однако, на время материнства убрали все лишнее. Верно и то, что рядом с солидным Полукаевым Римма удивляла всех своей молодостью. И немножко, в самых очаровательных пределах, спекулировала этим.

Вот сейчас, хотя полновата после родов, в движениях копирует Ларку.

Платье на ней нарядное, кажется то самое, которое было перекинуто через стул.

Кто-то поставил, наконец, «Дунайские волны», и снова все стало значительным, непростым, неотвратимым.

Римма села на свободный стул между инженершей и агрономом против старого Полукаева и захлопала в ладоши.

— Давайте пить, ужасно хочется есть.

Все засмеялись и выпили за новоселье.

Минуту стояла плотоядная тишина. Смешались стройные ряды селедок, рухнули от многократного подкопа горы салата и винегрета, гусь понемногу терял свои очертания.

Потом хлынули разговоры. Можно было, не глядя, догадаться, кому принадлежат слова.

— А вам паштетцу?

— Вот добыю редиску и возьмусь за паштет.

— Подписался на журнал. Полстраницы занято телефонами: литература — номер такой-то, искусство — такой-то, юмор — такой-то. А раскрыл журнал — ни литературы, ни искусства, ни юмора.

— Эх, разгорелся мой глаз. Кусочек мне пирога, пожалуйста.

— Я получила пятый том «Мурзилки».
— Лариса, марш на кухню, к своим гостям.
— Ларочка, когда ты нам братца покажешь?
— Чего там смотреть? Он весь беззубый.
— И тебе, говорю, не стыдно? Сосну извел на сарай.
Выходит, сорок лет для тебя выращивал сарай?
— Ираида Яковлевна, дайте мне бокал.
— Водочный или шампанский?
— Это умора, как я эвакуировался. В один чемодан сложил одни пиджаки, в другой — брюки. Чемодан с брюками украли и пришел я на завод в одних, извините, подштанниках.

— Я с Ларисой целый год потеряла.
— Полагаю, вы этот год — приобрели.
— Нам не дают, а в Воронеж приехал, поухаживал за какой-то секретаршей и получил семьдесят тысяч деталей. Тогда я...

«Очень мило проведем вечер, и ничего не случится. Но почему молчит он?» — подумала Александра Петровна, глядя на старого Полукаева, которому Ираида наливала в стопку водки.

— Мужчины любят, когда женщины их глупей. Вот и приходится прикидываться всю жизнь. Но сколько надо ума, чтобы знать, где быть глупенькой!

— Это изрекла моя Софа, — сказал Бубякин и положил на тарелку Александры Петровны гусиную лопатку. — Что такое голубой автобус?

Милый, добрый доктор. Он старается ее занять. Разве может случиться это, если рядом — умный друг...

И уже случалось.

Гости, ничего не подозревая, доглядывали гуся, а она чувствовала легкое покачивание: вот-вот ее выбросят за борт.

— Позвольте тостик. — Старый Полукаев встал, держа в поднятой руке стопку с водкой.

— Начинается.— Александра Петровна схватила Бу-
бякина за руку.

— Не волнуйтесь,— прошептал он успокоительно,
только оба понимали: случай из тех, когда врач бессилён.

Старый Полукаев поводил бородой вправо и влево,
пока острие бороды не установилось против Риммы. Он
смотрел на Римму, но безуглый глаз позволял ему видеть
всех.

— Пью за молодоженов,— он сверкнул своей нержа-
веющей улыбкой,— ибо для меня они молодожены по
причине невозможности побывать на свадьбе. Юрий
Яковлевич, Римма Ивановна, за вас!

— Сейчас он меня опозорит,— прошептала Александр-
ра Петровна с жутким спокойствием.— Он меня просто
зачеркнет.

Гости, еще трезвые, почувствовали легкий подвох.
Как всегда, когда веселье спотыкается о что-то посторон-
нее, меньше стало шума: звяканье вилок сделалось роб-
че, разговоры обрывались на полуслове, под конец
булькнула водка, кем-то наливаемая в стакан. Насту-
пила хлесткая, как удар, тишина.

И вдруг сейчас, в минуту своего позора, Александра
Петровна поняла, зачем эти усы и зачем борода. Он не
старел, этот железный человек. Усы и борода — чтобы
пожалели, дали пристанище, помогли вгнездиться.

— Мне дует седьмой десяток, я скажу по-стариков-
ски.— Полукаев-отец осторожно откашлялся, прикиды-
вая, как понимать тишину, но глянул на Римму и снова
улыбнулся: — Ваш главный инженер у меня на руках
вякал. Был он паренек — на троечку, скажу откровенно.
А теперь — сами видите, хвалить не буду, а и хаять со-
вестно. Я рад, что под конец жизни вижу его человеком.
Я рад,— он протянул через стол свою длинную руку ла-
донью вверх, как бы поднося Римме невидимую награ-
ду,— что она из него человека сделала.

Все. Это кончилось. Легко и изящно, по всем правилам гостеприимства, Александру Петровну выставили вон. Не из дома выставили, из жизни. Из молодости, где была любовь, где до сих пор течет голубая речка и где столько потерь ради Юрия.

Да, она знала, предвидела это, но где же справедливость? Почему так согласно молчат гости? Неужели поверили?

Она с маху подняла глаза на сидящих за столом людей.

Ираида пила чай, зажав в передних зубах кусочек сахара. Улыбку она утопила в блюде с чаем, толстые щеки блестели от пара.

Инженерша, бросив еду, невоспитанно прямо смотрела на нее, Александру Петровну.

Римма сидела, скромно опустив глаза, полуулыбкой отвечая на похвалу, девочка принимала награду, не попробовав на зуб, уверенная, что заслужила ее.

Бубякина не видно, видна его рука, которая режет ломтик ветчины на мелкие, почти несъедобные части. Даже он, такой находчивый, от растерянности ничего не смог придумать, кроме этих кусочков.

А Юрий? Что же Юрий? — Александра Петровна смахнула набежавшее легкое марево во рту. Он преспокойно наливал вино своей соседке, а другой рукой на вилке, поставленной черенком к столу, покручивал стручок красного перца. Ясно, он промолчит. Это для гостей редкость, что ее оскорбляют в полукаевском доме, для Юрия — дело привычное. И промолчать — дело привычное. Кровное родство перетянет, как, бывало, всегда перетягивало в молодости, когда Юрий, не разобрав в чем дело, — права Саша или не права, — брал сторону «своих». Он никогда ей не помогал, одной приходилось защищаться против целой банды кровных родственников, а потом плакать по ночам и спрашивать себя: гос-

поди, неужели кровное родство так и останется меркой справедливости на вечные времена? Ясно, он промолчит, а потом наедине где-нибудь в домике на окраине, вспомнив новоселье и отца с его тостом-вышибалой, будет говорить успокоительные слова, мол, наплюй, не обращай внимания, мол, что ты хочешь от них?

А может... Александре Петровне вдруг стало нечем дышать — может, он верит тосту старого Полукаева, верит, будто она для него ничего не означала в жизни?

И когда она так подумала, сооружение из стручка и вилки чиркнуло перед ее глазами, падая.

— Эх, отец, увел ты нас от новоселья в какие-то дебри. Давайте пить, друзья.— Юрий нехотя встал. Он как-то долго выпрямлялся, вставая, а как только выпрямился, лицо из вялого и какого-то неприбранного сделалось энергичным, красивым.— Я не буду держать речь, как на собрании, я буду пить,— повторил он.— Александра Петровна, Саша, дорогая, пью за тебя. И тем исправляю ошибку предыдущего оратора.— Он глянул на отца, который улыбаясь что-то жевал. Он молча глядел на отца до тех пор, пока тот не изжевал всю свою улыбку.— Мои друзья должны знать правду: если я чего стою — это она.— Юрий улыбкой показал в тот край стола, где сидела Александра Петровна.— То-есть, это она могла целый день прогоревать, если кто из знакомых нам сухо поклонился. Нет, мне не объяснить всего.— Он беспомощно развел руками.— Люблю ее, вот и все.

На Риммину щеку выкатился румянец, маленький и круглый, как сибирское яблочко. Ресницы сделались неправдоподобно черные и неподвижные на белом лице.

— А когда она ушла, я в каждом человеке искал ее. В каждом человеке боялся обидеть ее. Римма поймет. Если не сейчас, потом, когда объясню. Если не захочет — пусть бросит меня и детей уведет. Я, может, умру без детей. Но без правды? Как без правды? Я, кажется,

сказал уже, что люблю тебя, Саша. Так вот: я люблю тебя.

Последние слова он произнес так печально, будто прощался навсегда. Он и в самом деле прощался. Недаром из глаз Риммы, уже открытых навстречу Полукаеву, бьет радость. Недаром, как только замолчал Юрий, она заговорила первая.

— Ну хватит о серьезном, давайте же веселиться! — Ее голосок еще дрожал от волнения, но в дрожащей этой трели было одно радостное коленце. Еще бы не радоваться. Юрий вслух сказал о своей любви, значит отпадает все тайное, домик на окраине и прогулки вдвоем. Домик и прогулки не выдерживают публичного признания в любви.

Еще лучше и раньше Риммы это поняла Александра Петровна.

И все же она танцевала с гостями, пила чай и ходила смотреть полукаевского сына Витьку, когда он проснулся. Лишь на минуту, когда гости, разбитые весельем, перестали обращать на нее внимание, она вышла на балкон, где было небо, густо посоленное звездами. Вышла, чтобы вздохнуть от случившегося, и тут встретилась с фестивальной косынкой.

Девушка стояла спиной к перилам, ее юбка колоколом подалась вперед и немного вбок, надутая ветром, и в ту же сторону устремилось перекасти-поле, она старательно придерживала его рукой.

— Я знала, что вы придете, — сказала фестивальная косынка, преданно хватая Александру Петровну за руку. — Хоть на минуту, а придете. Человек же, думаю, она, не железо. — Проводить вас в гостиницу? Но лучше, — возьмите! — она вложила в руку Александры Петровны какой-то холодный предмет, на ощупь ключ. — Моя комната этажом выше, в тридцать шестой квартире, там никого нет, вам же нужно побыть одной, поплакать

наконец,— уговаривала девушка голосом, ничуть не более мягким, чем днем, только более настойчивым, не подлежащим возражению.

Александра Петровна не стала подниматься в тридцать шестую квартиру, где можно побыть одной и поплакать. Она расплакалась тут же, на плече своей непрошеной, новой подруги.

БИБЛИОТЕЧКА ОДНОГО РАССКАЗА

Майя Алексеевна Ветрова
НОВОСЕЛЬЕ

Редактор Е. Р. Расстегняева.
Художник С. В. Калачев.
Художественный редактор В. П. Минко.
Технический редактор Л. И. Воротилкина.
Корректоры Б. В. Черновский, О. М. Кухно

* * *

Сдано в набор 5 февраля 1963 г. Подписано к печати 25 марта 1963 г. Формат $70 \times 108^{1/32} = 0,69$ бум. л., 1,9 печ. л., 1,8 изд. л. Тираж 15000
МН03640. Цена 5 коп.

* * *

Новосибирское книжное издательство. Красный проспект, 18. Заказ № 10. Типография № 1 Полиграфиздата. Новосибирск, Красный проспект, 20.

МАЙЯ ВЕТРОВА

Майя Алексеевна Ветрова (Сырова) родилась в Крыму 21 марта 1922 года в семье сельских учителей. Окончила Московский педагогический институт, с 1949 года работала в газете «Тюменская правда». В 1953 году в Тюменском книжном издательстве вышла первая книжка М. Ветровой — «Тома на даче». Ее перу принадлежат также изданные в Новосибирске и Москве «Молоток-новичок», сборники «Четвертый пассажир», «Прыжок» и другие произведения, написанные для детей и взрослых.

С 1957 года М. А. Ветрова член Союза писателей.